

Сяо Ду говорил, почти касаясь моей шеи. Его хриплый, ломающийся голос и горячее дыхание дышали агрессией, от которой у меня по коже побежали мурашки, словно меня внезапно лизнул кровожадный зверь.

Когда я не смотрел на него, он словно менялся.

...Становился пугающе опасным. Совсем не походил на шестнадцатилетнего подростка.

Скорее, на того... кто напал на меня в лесу.

Его руки обвили меня с боков, словно заключая в объятия, и он медленно, тщательно завязывал пояс моего халата.

Этот процесс был немым испытанием — такой Сяо Ду вызывал во мне глухую тревогу.

— Дядя, у вас такая тонкая талия.

— Ты... — Я почувствовал себя оскорблённым, повернулся и гневно уставился на него. — Что ты сказал?

Сяо Ду опустил голову, не поднимая глаз:

— Вам нужно больше есть.

Мой гнев мгновенно угас. Показалось, подумал я. Протянул ему руку:

— Помоги мне лечь.

Сяо Ду помог мне на кровать. Едва голова коснулась подушки, меня уже стало клонить в сон. Закрыв полог, я лениво бросил:

— Потуши свет.

Сяо Ду наклонился, задул свечу, но не ушёл. Замешкался в темноте у моей кровати — не пойму, чего ждёт.

Сон всё сильнее одолевал меня. Я с трудом приподнял веки:

— Почему ещё не ушёл? Неужели хочешь остаться здесь на ночь?

Сяо Ду стоял недвижимо, в темноте слабо светились его зелёные глаза:

— Я... подожду, пока вы уснёте.

Сквозь полог я различал его высокую, расплывчатую тень. Он был похож на молодого волка, терпеливо поджидающего, пока добыча расслабится, чтобы затем наброситься и вцепиться в глотку. Это абсурдное ощущение было неприятным, но я в глубине души не боялся этого полувзрослого парня и просто закрыл глаза. Однако вместе со сном нахлынули воспоминания о дневном унижении. Я вздрогнул и проснулся.

— Дядя... кошмар приснился?

Сяо Ду всё ещё был здесь.

Голова раскалывалась. Я с трудом приоткрыл глаза.

— Почему ещё не ушёл? Ладно... помоги мне голову помассировать, ужасно болит.

— Дядя, можно я поднимусь?

Я слабо кивнул:

— Да.

Лёгкий шорох. Сяо Ду откинул полог, сел на кровать, приподнял мне шею и уложил голову себе на колено. Его влажные и горячие пальцы погрузились в волосы, начали массировать. Давил он не сильно и не слабо — в самый раз. Подушечки пальцев, покрытые лёгкими мозолями, словно мелкий песок, скользили по коже головы. Мне стало невероятно легко, и я невольно издал лёгкий стон:

— Ах...

Сяо Ду замер:

— Дядя, лучше?

Кивнул, усмехнулся:

— Не ожидал, что у тебя такие руки. Лучше, чем у тех, кто годы служил. Давно меня так не баловали.

Пальцы Сяо Ду слегка сжались, давление усилилось:

— Дядя, о Лян Шэне говорите?

Мне было так хорошо, что даже открывать глаза не хотелось:

— Память у тебя хорошая.

Сяо Ду хмыкнул, одна рука сползла к затылку, надавила. Как раз туда, где старая боль — от императорской короны в юности. Плечи и шея часто ныли, особенно весной в дождь.

— Тут ещё помассируй, и плечи тоже, — сквозь сон пробормотал я.

Сяо Ду оттянул ворот халата, обнажил плечи, принялся разминать их обеими руками. Жёсткие кости стали мягкими, как тесто, кожа покрылась лёгкой испариной. Я словно плыл в тумане, душа отделилась от тела.

— Дядя, спину тоже?

Я уже почти проваливался в сон. Кивать было лень, лишь слабо хмыкнул в знак согласия.

Меня перевернули. Кровать слегка скрипнула. Спину охватила прохлада — халат стянули до поясницы. Сознание плыло, то всплывая, то погружаясь в тёмную гущу. Руки, давящие на спину, вминали меня всё глубже, позвоночник словно размяк. Вся надменность и спесь, что я обычно носил, отвалились, осталось лишь обычное человеческое тело.

Сяо Лин, Сяо Лин... Ты жаждешь парить высоко в небесах, возвышаться над толпой, но в конце

концов ты всего лишь смертный.

Под непробиваемой маской императора скрывается тело из плоти и крови — со слабостями.

К уху подкралось влажное дыхание. Тонкие губы прикоснулись к виску, шевельнулись, издали хриплый шёпот.

— Дядя...

Внезапно тело стало невесомым. Я будто взлетел, оседлав что-то могучее, и понёсся по ветру. Открыл глаза — лежу на спине огромного, крепкого снежного волка. Он мчался по степи. Я гладил его грубую шерсть, и в груди вспыхнула дикая жажда покорить его. Обхватил одной рукой шею, другой потянулся к глазам, но он резко остановился, встряхнул большой головой — и легко сбросил меня. Покатился по траве, а он уже навалился сверху, придавил передними лапами к земле. Острые когти касались кожи, но не впивались. Огромная пасть с горячим дыханием пронеслась над шеей, но не перекусила хребет, а лишь глубоко втянула воздух, потом принялась шершавым языком вылизывать щёку. Не так, будто пробует на вкус перед укусом, а скорее как самец, ухаживающий за самкой.

Я пытался вырваться из-под лап, но силы были неравны. В мгновение ока начался нелепый акт, который так же быстро и завершился. Я перевернулся на спину, тяжело дыша, и постепенно выплыл из этого постыдного кошмара.

— Дядя, опять кошмар? — голос Сяо Ду раздался сверху.

Открыл глаза. Он стоял на коленях надо мной, его тело образовало клетку.

— Дядя, что приснилось, что так тяжело дышите? Жарко?

Я задыхался, не мог вымолвить слова. Мне приснилось, что меня взял дикий волк, и я... получил от этого удовольствие. Мокрая простыня была неоспоримым доказательством. Стыд охватил меня, я потянул одеяло выше. Но Сяо Ду, не понимая намёка, встал, зажёл свет, налил чаю.

— Дядя, попейте.

Он приподнял меня. Я изо всех сил держал одеяло, боясь, что младший увидит мой позор. Глотнул чаю — рассеянный, поперхнулся. Сяо Ду вытер уголки губ. Его костяшки пальцев слегка коснулись моих губ, словно поглаживая. Я нахмурился, бросил косой взгляд. Юноша стоял с опущенной головой, взгляд потухший — явно не заметил этой случайности. Я внутренне усмехнулся своей мнительности.

— Спасибо за заботу. Мне уже лучше, ступай, — отстранил чашку. Взгляд скользнул по медному зеркалу у кровати — увидел раскрасневшиеся щёки, растрёпанные волосы, будто после ночи утех. Испугался, понял: позволить Сяо Ду так ухаживать — ошибка. Повалился на подушку, повернулся к стене, притворился спящим.

— Тогда я пойду, дядя.

Свет погас. Шаги направились к окну. Полог шумно захлопнулся — звуки удалились.

А я до самого утра не сомкнул глаз.

Снова и снова возвращался к этому сну. Чувствовал — дурная примета. Сяо Ду ведёт себя со мной... слишком уж двусмысленно. И эта двусмысленность выверена до мелочей: будто то и дело протягивает лапу, пробует на ощупь, а едва я насторожусь — сразу убирает, снова превращается в послушного пса. И смотришь — вроде бы пёс, ни когтя, ни зуба не показывает. Не придерешься, не обвинишь. Да и говорить открыто неловко — отношения испортишь.

Не мог понять: то ли действительно боится, то ли нарочно так.

Если второе... тогда этот «нож» может стать опасным.

Надо его испытать.

Бом — бом — бом —

Пробили часы в час Чэнь, но звук был необычный — словно полный печали.

В этот день императрица скончалась при родах.

Как я и предполагал: Царство Яо, давно зарившееся на западные земли Сичжоу, воспользовалось моментом и, объединившись с несколькими мелкими государствами западной границы, вторглось в Сичжоу. А на юге Инчжоу всё ещё не справились с наводнениями и пиратами. Беда не приходит одна.

<http://bllate.org/book/15952/1426346>